

Раздел V
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Part V. SOCIO-CULTURAL AND AESTHETIC PROBLEMS
OF THE PHILOSOPHY OF EDUCATION AND UPBRINGING

УДК 37.0 + 18 + 316.7

**ВИРТУАЛЬНАЯ ЭСТЕТИКА СИМВОЛОВ
В СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В. С. Ежов (Новосибирск)

Современные успехи в информационных технологиях порождают условия для виртуальности мифов, их символизации. Их создание несет эстетический потенциал, который зависит от художественных вкусов людей. На данном этапе исторического развития российского общества мы наблюдаем активность человеческой эстетики, в которой господствует мифотворчество. Если в рациональности современный человек пытается достичь ясной картины окружающего мира, то в мифе он находит бессознательное успокоение. Стихийный процесс освоения людьми мировой информационной сети в виртуальной культуре порождает новую мифологию, стержнем которой является идея наслаждения информацией.

Ключевые слова: *деятельность, символ, виртуальность, рефлексия, гармония, бессознательное, целостность, общество, современность, образование.*

VIRTUAL ESTHETICS OF SYMBOLS IN SOCIAL ACTIVITY

V. S. Ezhov (Novosibirsk)

Modern advances in the information technology have created conditions for virtuality of myths, their symbolization. Their creation of esthetic potential depends on the artistic taste of the people. At the given stage of historical development of the Russian society, we observe the activity of human esthetics, where the creation of myths is dominant. While in their rationality people try to

Ежов Виктор Семёнович – кандидат философских наук, профессор кафедры философии и истории гуманитарного факультета Сибирского государственного университета коммуникаций и информатики.
630102, г. Новосибирск, ул. Кирова, д. 26.
E-mail: ezhov@sibsutis.ru; ezhov.philosophy@sibsutis.ru

achieve a clear world view, in myths they try to find the unconscious relieve. The spontaneous process of people's mastering the global information network in the virtual culture generates a new mythology, stemming from the idea of getting pleasure through information.

Key words: *activity, symbol, virtuality, reflection, harmony, the unconscious, success, society, modernity, education.*

Ушедший XX в. породил великие трагедии вместо триумфа человеческого духа и гуманистической мысли, потому сегодня, к сожалению, мы можем наблюдать в мире, в частности в российском обществе, регрессивные моменты, рожденные мифами и символами. XXI в. породил поле для возникновения тенденции к мифогенезу. Что это будет за реальность? Нам нужно это понять и предотвратить.

На данном этапе исторического развития российского общества мы наблюдаем активность эстетики, в которой господствует мифотворчество в его «смутном» бессознательном обнаружении. Воображение человека в его истоках создавало царство мифа, эстетику его символизации. Миф соединяет в себе рациональное и иррациональное. Если в рациональном современный человек пытается достичь ясной картины окружающего мира, то в мифе он находит бессознательное успокоение. Иррациональность обнаруживается в том, что мифологическое не проверяется, ему нет соответствия в действительности. Однако эффективное воздействие эстетики мифологического проявляется как раз в том, что это, как правило, повторение уже случавшегося ранее и, возможно, свершится в будущем. «Соответственно эволюция субъекта конвенции и способов ее “заключения” приводит к развитию социального, которое становится содержанием человеческих общностей и общества в целом как саморазвивающейся системы» [1, с. 205]. Миф – это яркая и подлинная действительность, ощущаемая, вещественная, телесная действительность, совокупность не абстрактных, а переживаемых категорий мысли и жизни, обладающая своей собственной истинностью, достоверностью, закономерностью и структурой и в то же время содержащая в себе возможность отстраненности действительного хода событий, возможность существования иной иерархии бытия. В мифе фантастические повествования выражают в яркой и доступной форме свои метафизические идеи. Миф – это своеобразный способ духовного освоения действительности, взгляда на мир, в котором все вещи и явления воспринимаются как сопричастные друг другу во взаимном перевоплощении. Миф мыслит образами, живет эмоциями, ему чужды доводы разумности, он объясняет мир, исходя не из знания, а из веры. Мифы построены на установлении гармонии между миром и человеком, когда утверждается семантическое поле встречи человека с реальностью. Миф – это инструмент семантического моделирования окружающего мира и одновременно способ самоидентификации субъекта, его рефлексии. Мы не предполагаем ее как созданную саму для себя, а предполагаем ее наличное бытие как деятельное. Эстетическая рефлексия связана в своем созерцании и становлении с интуицией. Созерцание как непосредственное составление представлений (понятий), результат некоего действования (интенционального акта), созданного реф-

лексивной интуицией, которая связана с чувственным созерцанием. Действование соединяет мир созерцания и рефлексивной интуиции: можно мыслить только то, что непосредственно созерцается. Это и есть непосредственное единство субъекта и объекта в их отношениях, конкретно-ситуативная связь в ее целостности. Интенция связана с духовным актом. Продуктивное основание ее в субъективной реальности не замыкает интенцию в спонтанно-интуитивной (стихийной) активности, а указывает на реальное сознание. Она проявляет онтологически бытийную глубину духовной реальности, в противоречивости направленности духовной жизни человека выражает отношение к объективной реальности, а не только уход в себя. Мифологическое ее проявление в эстетической окрашенности придает направленному внутреннему миру субъекта (общности, индивиду) универсально-космическую обобщенность. В развитии культуры творческая направленность интенционального акта субъекта может приобретать и локальный неповторимый характер.

Эстетическая рефлексия – стадия ухода от конкретно-ситуативной связи на уровень надситуативный, а затем родовой и общечеловеческой. «С появлением рефлексии связано философское осмысление жизни» [2, с. 352]. Развитие универсальности сущностных сил у человека и способов их опредмечивания связано не только с формированием опыта объектно-субъектных отношений, но и с личностным аспектом сопричастности, отношением (рефлексированием) человека к своей деятельности. Человек осознает свое отношение, ибо для него его деятельность и практическая связь с другими людьми – не только физическая реальность, но и социальная, она является предметом его ценностных отношений. Он способен не только сам осознанно устанавливать социальную значимость своей же работы и отношений с другими людьми, но и переживать ее в человеческих чувствах.

Накопление опыта ценностных отношений является способом проецирования человеком своей духовной сущности на процессы практических отношений, своих конструктивных способностей. Через это накопление в непосредственной практической жизнедеятельности происходит «очеловечивание» самого человека, обогащение его человеческой сущности, развитие индивидуальности субъекта, его внутреннего мира. Это противоречивый процесс в его историчности. Так происходит противоречивый процесс перехода объективной логики практических трудовых действий и общения в субъективную логику мыслей и переживаний, процесс «пересадки» в голову и переработки в ней материальной коллективной практики в идеальный процесс. Человек оттачивает тем самым остроту своих чувств и формирует эстетику мысли! [3]. Трудовая практика общества (внешний опыт) дает субъекту знания о своем состоянии, собственных переживаниях, иначе говоря, эти стороны соотносятся и взаимопроникают, образуя системное единство – эстетическое состояние.

Формирующиеся эстетические отношения – это уже новый уровень отражения общественной практики, соответствующей человеческому пути развития. Необходимость их возникновения в родовой сущности человека в том, что они опосредуют жизненные процессы общественного развития, протекающие во все более сложных условиях. Содержанием эстети-

ческого начала выступает бескорыстие субъекта в стремлении к полноте трудового напряжения и наслаждении свободой духовных сил в творчестве в историческом контексте. Тем самым доминирующее эстетическое состояние активизирует творческие способности субъекта, поиск новизны ощущений, самовыраженность и самоопределение, вызывая у него предпочтение красоте как принципу всех проявлений общественной жизнедеятельности.

Действенность эстетического фактора (эстетической рефлексии) обнаруживается в обогащении и познавательного процесса общественного индивида, мере углубленного проникновения в закономерные связи природы и общественного опыта, человеческой культуры. Через специфику эстетических отношений происходит усиление творческой роли субъекта деятельности, активности человеческого фактора в целеполагании.

Дальнейшее развитие рефлексии связано с изменением эстетического состояния, которое фиксирует результат определенного взаимодействия, когда мысль становится эмоциональной, а эмоция осмысленной и осознанной, то есть проявляется эстетическая рефлексия. «Современное манипулирование общественным сознанием приводит к тому, что в отдельных случаях большие массы людей оказываются дезинформированными, попадают в ирреальный мир, в виртуальную реальность, что может существенно повлиять на соотношение рационального и иррационального в общественном сознании» [4, с. 60]. Переход на философский уровень рефлексии предполагает доминирование у человека духовного начала, почтение к этому началу, его рациональное возвышение. Источником для ее развития служат два взаимосвязанных условия, а именно: дальнейшее расширение внешнего опыта (общественной практики) и наличие внутреннего побуждения у субъекта к рациональному осмыслению наличной ситуации, удовлетворяющему как кратковременные, так и долговременные проявления его состояния в познании самого себя. Одновременно это поднимает эстетическое состояние на более высокий уровень, активизирует получение содержательных знаний о закономерностях общественной деятельности, ее упорядоченности с определенным уровнем осознания и переживания. Указанные процессы связаны также с зарождением мифологического мышления, согласно нашей концепции.

Таким образом, чувственное созерцание как непосредственное соединение объекта и субъекта превращается в интеллектуальное созерцание или рефлексия, то есть происходит обращение деятельности субъекта и на самого себя. Генетически индивид мыслил себя как единое целое с социальным коллективом через подавление (нераскрытие) своей индивидуальности, то есть постепенно переходил на надситуативный уровень родового существования, связанный с целостным осмыслением космологического существования и появлением мифологии. Оно является фундаментальной формой упорядочения и строения образов реальности. Выйдя за пределы видовой биологической предопределенности (генетически врожденной), человек оказался перед необходимостью многофакторного выбора в космосе культуры, конструируемой им самим. Генетическая программа теперь бессильна ему помочь. Человек создает «обнадеживающую картину мира», которая дает ему смысловые опоры в этом

неосвоенном и сложном мире. Именно миф играет приоритетную роль среди всех человеческих жизненных потребностей. Миф формирует жизнь как единство.

Корни мифотворчества глубоко уходят в психологию личности, уровень бессознательного, а в процессе становления социального на основе биологического – в семантику символизации познания, появления духовности. В истоках своей первобытности люди часто отражали в космологических сакральных представлениях свою жизнь и быт, труд. Например, у гомеровских греков сохранились преданимистические верования в виртуальных безликих демонов (эстетика неопределенности, своеобразного *in finito*), с которыми нельзя было вступать в общение, ибо они не имеют «очертания» (эстетической целостности). В дальнейшем «демон получает ту или иную индивидуализацию, происходит переход от преанимизма к анимизму» [5, с. 328]. Древняя эстетика «незамкнутых» ликов сохранилась до наших дней у селькупов, которые обозначают так «лик самого духа», они гравировали его внутри сакральной оловянной тарелки, которая являлась вместилищем духа. Ханты отливали «незамкнутые» лики духов на особых медных бляшках. В чувственно зримой форме мир представлялся всегда обязательно конечным. Мифологическое сознание мыслит символами: каждый образ, создаваемый действующим лицом, обозначает стоящее за ним явление или понятие.

Духовность подразумевает творчество не только в виде создания новых идей или творений вообще, имеющих объективную значимость и ценность, но и в смысле построения и укрупнения своего внутреннего мира, что также требует творческих усилий и креативных способностей, развития эстетических и художественных вкусов. «Теоретико-эстетическое исследование онтологических оснований той духовной реальности, которая порождает художественно-эстетическую деятельность, должно исходить из того, что в искусстве воспроизводится и объективируется целостный духовный опыт человека, отражающий все уровни и слои психической реальности от бессознательно-иррациональных ее глубин, эксплицирующихся в интуитивно-спонтанных формах творческой активности, до осознанно-рациональных уровней, появляющихся в программно-дискурсивных методах и приемах творчества <...> существеннейшей особенностью духовной реальности, способом ее бытия является ее соотнесенность с предметным бытием и включенность в него, что обуславливает изначальную антиномичность духовной жизни субъекта, ее имманентно-трансцендентную сущность» [6, с. 119]. Духовность – это присущая человеку форма поисковой активности. Познавательный интерес является глубинным внутренним социальным мотивом, основанным в своем развитии на свойственной человеку врожденной познавательной потребности (ориентировочно-познавательный рефлекс как природная данность). «Поиски “прекрасного” соответствуют целям жизни группы людей, находящихся в гармонии со своим окружением, движимых духовностью. Такие поиски сопровождали с самого начала процесс становления человека, и этот процесс приводил к развитию воображения, при этом соответствующие доли современного мозга позволяли абстрагировать представления» [7, с. 23].

Исследования археологов указывают на дифференциацию изделий уже у древних мастеров на утилитарно-предметные назначения и знаково-символические, то есть на зарождающиеся духовно-эстетические отношения, что предполагает более сложные формы общественных отношений, богатство форм общения, эстетически значимых. Ориентированность древнего мастера на законосообразные признаки (ритм, симметрию, пропорцию) при искусственном создании орудий отражала эмоционально-эстетическую нагрузку, приобретая знаково-символический характер, становясь самостоятельной формой деятельности в «чистом» виде. То, что может быть отделено в последнюю указанную форму деятельности – чисто эстетическое творчество. Возможность отделения этих символических форм друг от друга и создает несоответствие между ними, порождает новую форму противоречия в жизнедеятельности человека в целом.

Проблема символа стала предметом исследования философской мысли еще со времен античности (Платон, Аристотель). В западной философии Кассир выделил символические формы – язык, религию, искусство, науку и миф, посредством которых человек как «животное символическое» упорядочивает окружающий его хаос. Основатель аналитической психологии К. Юнг рассматривал символ как проекцию бессознательного на создание целостного психического восприятия действительности, гармонизацию отношений. Символами он считал так называемые архетипы, которые являются отражением коллективного бессознательного. В отечественной философии религиозный мыслитель П. Флоренский называл символы носителями энергии бытия, всего космоса, который представляет собой бесконечное множество символов и, таким образом, является символическим миром. Русские символисты во главе с А. Белым понимали символ достаточно узко, а именно как мистическое отражение потустороннего мира в каждом отдельном предмете или существе. Диалектическое понимание символа утверждал А. Лосев: он указывал на символ как на предмет, построенный на единстве и полном равновесии «внутреннего» и «внешнего», «идеи» и «образа», «идеального» и «реального», между которыми не просто смысловое, но и вещественное, реальное тождество; он считал символ принципом построения действительности – смысловой общностью, которая является диалектическим принципом получения бесконечного ряда относящихся к ней единичностей. Аверинцев рассматривал сущность символа через сопоставление с категориями образа и знака: это образ, взятый в аспекте своей знаковости, и знак, наделенный всей органичностью мифа и неисчерпаемой многозначностью образа. Символ есть также миф, «снятый» культурным развитием. Идеи символа как примата сознания разрабатывали Мамардашвили и Пятигорский: символ, по их словам, это вещь, обладающая способностью индуцировать состояние сознания. Символ есть то, что всегда соотносится с сознательным опытом, который суть и есть опыт понимания вещей.

Принимая позицию А. Лосева, мы считаем, что история происхождения символа в историческом сознании людей является результатом созерцания какого-либо предмета натурной действительности, в котором человек обнаружил качества, отличные от непосредственной его предметной данности. Эта («инаковость») предмета находится в сознании во время

эстетического созерцания, а затем кристаллизуется в бессознательном некоторой аморфной структурой организации, соответствующей данной вещи. Так предмет становится указателем на некоторую погруженную бессознательную структуру, и она всякий раз при попадании предмета в поле сознания провоцирует себя на предмет, а из него – в сознание. То, что предмет оказывается неразрывно связанным со своей содержательностью, означает не только то, что он непосредственно есть сам, но и совсем иное, в то же время означая себя самое, потому как наблюдаемое в нем, скрытое в нем и раскрытое при созерцании и есть он сам, сама его суть.

История показывает, что символ, оказываясь в социальном сознании исторического человека, играет определяющую роль во всех ее значимых событиях. Символ проявлял себя как то, что преобразовывает мир. В чем же его сила?

Дело в том, что когда человек (вне зависимости от метода и обстоятельств), помещая в своем сознании предмет символа, вместе с самим предметом неминуемо извлекает из бессознательного и его содержание. Чем больше сознание погружается в предмет, тем (независимо от самого сознания) большую часть его содержания появляется на поверхности из глубин бессознательного. В этом соотношении сознание символа и сознание о нем как о символе – разные вещи.

В историческом процессе деятельности человека происходит осознание символа. «Формы отражения прошлого в историческом сознании на теоретическом его уровне представляют собой понятия, законы, закономерности, фиксирующие знания о процессах и тенденциях развития человеческого общества и способствующие осознанию логической связи прошлого, настоящего и будущего» [8, с. 46]. Изначально сознание о символе не включает в себя сознание самой символической природы предмета. Факт символизации – это сознание того, что предмет есть не только он сам, но и нечто иное, потустороннее. Но этот факт вне сознания! Переход от предмета к содержанию осуществляется вне сознания. Человек не волен вмешиваться в этот процесс, а может только наблюдать. Исторические события нашей современной российской действительности подтверждают данное суждение, например, желание быстрого обогащения любыми средствами. «Гуманность, человеческое отношение друг к другу не могут быть в связке со стремлением извлечь максимальную прибыль, обогатиться» [9, с. 273]. Некоторые слои россиян чаще либо вообще не видят эту «инаковость» символа, отрицая значимость предмета вне его самого, либо редуцируют весь спектр значений до какого-либо одного, выбранного контекстом. В первом случае символ – просто вещь, означающая только себя, во втором – символ сводится к знаку. Ошибочность первого суждения в том, что символ – всегда не просто вещь, но и выходящее за ее пределы значение. Второй случай требует особого рассмотрения, ибо в нем символ приравнивается к знаку. Если символ означает одновременное бытие множества единичных значений, то знак – только одно.

Символика мифа связывает и канализирует социальную энергию людей. Миф соединяет намерения с объектом, субъекта с объектом. Мифы способствуют созиданию коллективов, обеспечивают специфическую в каждом конкретном случае координацию восприятия и поведения многочис-

ленных разрозненных индивидов. Чтобы понять существо мифа, необходимо воспринять его как подлинную и максимальную конкретную реальность. Миф – это энергичное самоутверждение конкретной личности. При этом миф и жизненный мир людей не идентичны друг другу, но в то же время они совпадают друг и другом, поскольку оба определяют повседневные отношения (в основном бессознательные) человека к природе и другим людям, однако утверждая развивающуюся гармоничную целостность [10, с. 39].

Итак, процесс символизации может совершаться вне воли человека. Тогда все, что оказывается в поле такого сознания, оказывается внутри содержательной стороны символа и таким образом попадает (также бесконтрольно со стороны человека) под влияние этого символа, его виртуальной эстетики. В этом случае часть собственного значения предмета уходит в ничто и вместо него возникает нечто новое, уже производное от символа. То есть символ переводит собственный смысл предмета в свое иное, таким образом приспособляя его к своей реальности. Но в таком случае, если вещь означает не себя, а нечто иное, она становится знаком этого иного! Ведь знак – это всегда не он сам, а другое. Сам же знак – ничто, он отсутствует в сознании, в то время как символ – содержание. Содержание символа становится содержанием самих вещей, или, с другой стороны, вещи – знаками этого символа! В этом проявляется историческая роль символа. Когда он оказывается в сознании целой общности людей, то символизируются вся социальная реальность и деятельность людей. Сознание людей находится в одном состоянии, которое соответствует содержанию символа. То есть символ выполняет функции объединения людей ради цели, неявно означаемой предметом. При этом объединяет не сам предмет, а содержание. Все предметы, оказывающиеся в поле этой социальной группы, становятся знаками общего для них символа. Люди не работают с символами. Символ, будучи онтологической сущностью, функционирует вне их сознания. Люди не понимают символов, созидая их виртуальную эстетику. Главная опасность в том, что в таком случае сам человек (как внутри социальной группы, так и вне ее) может оказаться субъектом символизации. Сам человек, а значит и все ценностные гуманистические ориентиры (социальная справедливость, свобода, благосостояние), становятся совершенно бессодержательными явлениями – знаками иного.

Однако символика мифотворчества внутренне противоречива. Парадокс мифа состоит в том, что в нем одновременно сочетаются сила и слабость. Это противоречие отражает термин «виртуальность»: на латыни *virtus* означает «силу, способность», *virtualis* – «возможный». Эстетика виртуальности мифа дает человеку исключительную возможность ощутить возвышение происходящего, сопричастность к событиям космического масштаба. Самые невероятные события начинают восприниматься как реальность. В диалоге человека с реальностью в мифотворчестве рождаются великие движущие силы культурной жизни – философия, искусство, наука. Все они уходят корнями в почву игрового действия, порожденного мифом. Слабостью мифа является фетишизация идеи, превращение ее в догмат, не подлежащий ни изменениям, ни развитию. Миф способен породить цепочку мифов. Сакральная реальность мифа может весьма сильно

различаться с реальностью истинной: эстетика мифотворчества никогда не стремится к точности, да и лишена внутренних механизмов верификации.

Виртуальная реальность стала феноменом современного развития общества. Произошло это во многом благодаря стремительно развивающимся компьютерным технологиям, распространившим данный термин. Корни этого понятия уходят еще в античную культуру. Проблема виртуальной реальности интересует ученых всех сфер наук, осуществляющих ее философско-методологическое осмысление. Данная проблематика прослеживается в работах Аристотеля, Цицерона, Фомы Аквинского, Николая Кузанского, Н. А. Носова, А. Н. Леонтьева, А. И. Воронова, П. Е. Солопова, Е. А. Шаповалова, М. Ю. Опенкова, А. А. Степанова и С. Ю. Желтова, Е. В. Ковалевской. В их исследованиях виртуальность рассматривается с позиции категории потенциального, как имеющая энергийный смысл, формирующая человеческие способности. Остро стоит вопрос о соотношении виртуальной и объективной реальности, действительного и иллюзорных миров. При этом нельзя виртуальную реальность отнести ко всей культуре, а можно рассматривать в качестве одного из многих аспектов соотношения материального и идеального, объективного и субъективного.

Стихийный процесс освоения людьми мировой информационной сети в виртуальной культуре порождает новую мифологию, стержнем которой является идея наслаждения информацией. Однако повышение познавательной способности людей, их сознания, эстетических и художественных вкусов должно подвести к освоению подлинной культуры, направленной на возвышение внутреннего мира человека и осознанной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Осьмук Л. А.** Конвенциональность: генезис социального // Взаимодействие социальных миров: к проблеме конвенциональности отношений. – Новосибирск : Наука, 2004. – 290 с.
2. **Рубинштейн С. Л.** Основы общей психологии. – М., 1998. – 712 с.
3. **Мамардашвили М. К.** Эстетика мышления. – М., 2000. – 414 с.
4. **Куценко С. В.** Проблема соотношения рационального и иррационального в общественном сознании и некоторые вопросы философии образования // Философия образования. – 2007. – № 3 (20). – С. 58–63.
5. **Мифы народов мира** : энциклопедия в 2 т. – М., 1980. – Т. 2. – 718 с.
6. **Диденко В. Д.** Духовная реальность и искусство: эстетика преображения. – М. : Беловодье, 2005. – 288 с.
7. **Моэн Ж. П.** Предисловие к первому тому: Доисторический период в действии. Современное состояние исследований (1988–2000) // История человечества в 8 т. – М. : Изд. дом Магистр-Пресс, 2003. – Т. 1 : Доисторические времена и начала цивилизации. – С. 18–33.
8. **Скепкина А. К.** Роль исторического сознания в формировании стабильности общества // Философия образования. – 2008. – № 1 (22). – С. 45–52.
9. **Казакова Г. А.** Становление «человечного человека». Философские сомнения // Межкультурные коммуникации: проблемы методологии и теории : сб. науч. статей. – М. : Изд-во РГТЭУ, 2010. – С. 270–275.
10. **Ежов В. С.** Философско-эстетический дискурс трансцендентности гармонии // Философия образования. – 2008. – № 1 (22). – С. 37–40.